

Российская академия наук
Институт экономики

В. Арсланов

ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ЭКОНОМИЯ И ГОСУДАРСТВО:
УРОКИ «METHODENSTREIT»

Москва
Институт экономики
2017

Арсланов В. Политическая экономия и государство: уроки «Methodenstreit»: Научный доклад. – М: Институт экономики РАН, 2017. – 40 с.

ISBN 978-5-9940-0616-0

Аннотация. В докладе рассматривается полемика между сторонниками исторического подхода к анализу экономических явлений и представителями неоклассического направления в контексте формирования экономической науки как самостоятельной академической дисциплины в конце XIX – начале XX в. Особое внимание уделяется представлениям британских и немецких представителей исторической школы о критериях научности и задачах политической экономии. На примере критики У. Каннингемом и У. Эшли тезиса о пользе свободной торговли для экономического развития показывается актуальность исторического подхода для современной экономической теории.

Ключевые слова: историческая экономика, методология, история экономической науки, историческая школа, свободная торговля, протекционизм.

Классификация JEL: B15, B41, B52, F11.

Arslanov V. Political economy and the state: lessons from the «Methodenstreit»: Working paper. – М: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2017. – 40 p.

ISBN 978-5-9940-0616-0

Abstract. The essay investigates the debate between the Historical School of Economics and the neoclassical economists in the context of the emergence of economics as an autonomous academic discipline in the late 19th – early 20th century. The essay discusses the key positions of the British and German historical economists regarding scientific method and the goals of political economy and, by scrutinizing William Cunningham's and William J. Ashley's criticism of the argument for free trade, shows the relevance of the Historical School for contemporary economics.

Keywords: historical economics, methodology, history of economics, historical school of economics, free trade, protectionism.

JEL Classification: B15, B41, B52, F11.

© Институт экономики РАН, 2017
© Арсланов В., 2017
© Валериус В.Е., дизайн, 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава I. Спор Каннингема с Маршаллом	8
Глава II. Проблемы универалистского подхода к экономике	12
Глава III. «Methodenstreit» и дискуссия о значении протекционизма в экономическом развитии	17
Заключение	31
Литература	34
Об авторе	39

ВВЕДЕНИЕ

«But how thrilling life would have become for him, the sole academic protectionist in the land, if he had lived till 1932!» («Сколь увлекательной стала бы его жизнь, доживи он, единственный протекционист в научной среде этой страны, до 1932 года!») – такими словами заключал Герберт Хитон свою рецензию о первой и до сих пор единственной биографии английского экономиста Уильяма Эшли (1860–1927)¹. Хотя его имя, как и имена других представителей так называемой исторической школы, менее известны современным экономистам, чем имя их оппонента в споре о методах экономической науки Альфреда Маршалла, многие взгляды Эшли представляются актуальными спустя более ста лет после его смерти. В особенности это касается обстоятельной критики абстрактных моделей экономического поведения, чрезмерно упрощающих социально-экономическую реальность, и обоснования активного участия государства в экономике тесной связью между экономическими и социальными процессами, прежде всего имущественным расслоением и колебаниями на рынке труда.

Несмотря на важность методологических вопросов, которые изучали представители исторической школы, их авторитет в экономической науке не мог сравниться с авторитетом неоклассического направления. Значение исторической школы после пора-

---

1. Herbert Heaton, 'Рецензия на книгу: Anne Ashley, William James Ashley: A Life. London, 1932,' 41, no. 6 (n.d.): 842–844, – здесь: 844.

жения Германии во Второй мировой войне практически сошло на нет, так что Роберт Солоу в 1985 г. саркастически замечал: «...никто не помнил бы о [...] немецкой исторической школе, если бы ни *Methodenstreit*. Впрочем, о ней все равно никто не помнит»². Однако в последние годы намечается возрождение интереса к наследию исторической школы. Свидетельством этого интереса является вышедший в 2015 г. сборник статей о влиянии немецкой исторической школы на развитие экономической науки в европейских странах, включая Россию³. Редакторы сборника и авторы статей показывают разнообразие и масштаб влияния исторической школы и отмечают актуальность ряда гипотез, высказанных ее представителями, для современной дискуссии о роли институтов в экономике и условиях их появления. Досадным упущением данного сборника является отсутствие исследований рецепции исторической школы в Великобритании, а также в странах, образовавшихся после распада Австро-Венгрии и Российской империи. Единственным детальным анализом рецепции исторической школы в Великобритании является монография Джерарда Коота, вышедшая в 1987 г.⁴ Между тем, дискуссия об историческом методе в Великобритании заслуживает серьезного внимания, поскольку Великобритания была страной с передовой, а не догоняющей экономикой, и многонациональной империей, в отличие от США и Японии, где интерес экономистов к немецкой исторической школе и «воспитательному протекционизму» Фридриха Листа был связан с проблемой увеличения конкурентоспособности национальной промышленности. В этом отношении анализ восприятия идей немецкой исторической школы мог бы помочь проверить тезис о специфике интерпретации проблемы связи рынка и государства в империях с промышленно развитыми национальными провинциями⁵.

-
2. Robert M. Solow, 'Economic History and Economics', *The American Economic Review* 75, no. 2 (1985): 328.
  3. José Luís Cardoso and Michalis Psalidopoulos, *The German Historical School and European Economic Thought* (Routledge, 2015).
  4. Gerard M. Koot, 'English Historical Economics, 1870–1926: The Rise of Economic History and Neomercantilism /', 1987.
  5. Cardoso and Psalidopoulos, *The German Historical School and European Economic Thought*.

Так называемый «спор о методах» (нем. *Methodenstreit*) в Германии и его аналог в Великобритании следует рассматривать как реакцию на аксиоматизацию экономической теории в рамках институционализации политической экономии как самостоятельной (от истории, юриспруденции и моральной философии или «моральной науки») академической дисциплины. Тесная связь политической экономии с моральной философией была характерна для Великобритании (Адам Смит был профессором кафедры моральной философии в университете Глазго), тогда как в Германии и Австрии традиционно экономические науки входили в курс подготовки юристов и государственных служащих и были частью госэкзаменов⁶. Тренд на математизацию экономики в Великобритании намечается примерно с 1877 г., в том числе из-за споров о научном статусе экономики в Британской академии, науки — следствие особого в английской интерпретации понятия «наука», отличного от немецкого *Wissenschaft* (в Германии в это время таких вопросов не возникало, и гуманитарные дисциплины, такие как филология, история и «наука о государстве» [*Staatswissenschaft*], считались науками наравне с естественными науками)⁷. Характерно, что многие (хотя и не все) британские экономисты, ратовавшие за математизацию экономики, были по образованию математиками (прежде всего, Джевонс и Маршалл), тогда как Уильям Каннингем и Эшли — историками⁸. Особый понятийный аппарат и способы сбора и обработки данных — главные требования: *измеримость* значимых для конкретного процесса или явления характеристик и *верификация* результатов. Принцип измеримости экономических характеристик являлся ключевым для Маршалла в вопросе о научном статусе экономики. Основание Школы коммерции в Бирмингеме в 1901 г. ознаменовало тренд на подготовку профессионалов в области бизнеса и торговли с особым практическим уклоном; первый директор Эшли, назначенный в том числе благодаря рекомендации Альфреда

-
6. В российских университетах, организованных в XIX в. по немецкой модели, экономика также преподавалась на юридических факультетах.
  7. John Maloney, 'Marshall, Cunningham, and the Emerging Economics Profession', *The Economic History Review* 29, no. 3 (1976): 440–451.
  8. Marion Fourcade, *Economists and Societies: Discipline and Profession in the United States, Britain, and France, 1890s to 1990s* (Princeton: Princeton University Press, 2009), 149.

Маршалла⁹, формирует новую программу обучения с упором на практические вопросы экономики, существенно отличающуюся (особенно по соотношению экономической истории и теории) от программы по экономике Кембриджского университета¹⁰. Сам Маршалл учредил в Кембридже в 1903 г. направление экономической науки (Economics Tripos), реализовав свою цель, сформулированную в получившей большой резонанс лекции 1885 г. по случаю вступления в должность профессора политической экономии — «Об актуальном состоянии экономической науки»¹¹. Ранее, в 1901 г., Лондонская школа экономики учредила первый в Великобритании бакалавриат по специальности «экономика», который предназначался для будущих чиновников, управленцев и банковских служащих¹². В Бирмингеме, как и в ЛШЭ, экономика рассматривалась в первую очередь как прикладная дисциплина, и значение экономической истории в курсе обучения было изначально очень велико. Таким образом, практически одновременно в Великобритании возникли две концепции экономики как академической дисциплины, которые существенно отличались по соотношению теоретических и практических предметов. Как мы покажем в настоящем докладе, расхождения между сторонниками дедуктивного и реалистического метода имели значительные следствия и для развития экономики как институционально независимой дисциплины, и для экономического анализа в целом.

-
9. Кроме Маршалла Эшли получил рекомендацию Каннингема, см.: Anne Ashley, *William James Ashley: A Life* (London, 1932), 94.
  10. Gregory CG Moore, 'One Hundred Years from Today', *History of Economics Review* 38, no. 1 (2003): 59.
  11. Alfred Marshall, *The Present Position of Economics, an Inaugural Lecture*, 1885; Alon Kadish, 'Marshall and the Cambridge Economics Tripos', in *The Market for Political Economy: The Advent of Economics in British University Culture*, 1993, 137–161; Alon Kadish, 'The Foundation of Birmingham's Faculty of Commerce as a Statement on the Nature of Economics', *The Manchester School* 59, no. 2 (1991): 160–172.
  12. Alon Kadish, *Historians, Economists, and Economic History (Routledge Revivals)* (Routledge, 2010), 243, <https://books.google.de/books?hl=en&lr=&id=UnOrAgAAQBAJ&oi=fnd&pg=PP1&dq=kadish+historians&ots=s2twqOdYU1&sig=SRZUtQnzhhgNI4XQqmhKThXtx-g>.

СПОР КАННИНГЕМА С МАРШАЛЛОМ

Британский спор о методах начался практически сразу после выступления Маршалла в Кембридже с программной речью о необходимости преобразования университетской политэкономии, которая вызвала серию критических публикаций Уильяма Каннингема, также претендовавшего на профессорскую позицию в Кембридже. Хотя основными участниками спора были Маршалл и Каннингем, дискуссия вызвала большой резонанс и на какое-то время разделила британскую политэкономия на «теоретиков» и «историков». Есть основания полагать, что спор в значительной мере обусловил обособление экономической теории от экономической истории¹³. В статье «Perversion of Economic History» Каннингем подверг острой критике универсализацию экономических закономерностей и попытку Маршалла применить жесткую рикардианскую схему спроса и предложения к средневековой английской экономике. Ответ Маршалла вышел в 1892 г. во втором номере нового экономического периодического издания *Economic Journal*; реакцию Каннингема на этот ответ редактор журнала Фрэнсис Эджуорт для публикации не принял, и она вышла в *Pall Mall Gazette*.

По мнению Маршалла, основной недостаток сторонников исторического подхода состоял в «поверхности» их наблюдений, в их неспособности распознать глубинные, скрытые от «нево-

---

13. Kadish, *Historians, Economists, and Economic History (Routledge Revivals)*.

оруженного» взгляда механизмы экономического поведения, преодолевающие локальные и исторические особенности и традиции¹⁴. Критика Маршалла отчасти напоминает рассуждения популярных в XIX в. философов истории, также считавших, что за мириадами кажущихся случайными событий скрываются глубинные, не доступные поверхностному взгляду процессы, определяющие течение всемирной истории и индивидуальных судеб. Однако важное отличие позиции Маршалла состояло в том, что он пытался «расколоть» (пользуясь известной метафорой Макса Вебера) представление о существовании латентных социальных процессов, четко проведя границу между строгим, систематическим и потому надежным анализом незримых экономических механизмов и умозрительных, «эссеистских» теорий философов, от влияния которых он старался освободить политическую экономию, введя особую специализацию по этому предмету в Кембриджском университете¹⁵. Для проведения такого анализа, однако, утверждал он, требуется особый научный инструментарий и, чтобы им овладеть, необходимо пройти серьезный курс профессионального обучения. Таким образом, сторонники исторического подхода уязвимы для критики не в силу пренебрежения к теории, а из-за нехватки специальной *квалификации*, позволяющей экономистам владеть особыми инструментами анализа эмпирических данных и получать надежные результаты. Только квалификация, которую экономисты приобретают в рамках интенсивного университетского курса обучения и которую углубляют в систематических научных исследованиях, позволит им, согласно Маршаллу, достичь уровня точной науки, накапливающей надежные знания и создающей основу правильной, долгосрочной экономической политики. Экономика должна быть «механизмом открытия конкретной истины», как теория механики в физике, и при этом стать наукой о мотивах человеческой деятельности относительно максимизации доходов, в отличие от науки о национальном богатстве¹⁶. В «Принципах экономической науки» Маршалл так описывает взаимосвязь индукции и дедукции в открытии эконо-

---

14. Maloney, 'Marshall, Cunningham, and the Emerging Economics Profession', 442.

15. Maloney, 445.

16. Peter Groenewegen, *A Soaring Eagle: Alfred Marshall 1842–1924*, Paperback ed. (Cheltenham: Elgar, 1998), 309.

мических законов: «Induction, aided by analysis and deduction, brings together appropriate classes of facts, arranges them, analyses them and infers from them general statements or laws. Then for a while deduction plays the chief role: it brings some of these generalizations into association with one another, works from them tentatively to new and broader generalizations or laws and then calls on induction again to do the main share of the work in collecting, sifting and arranging these facts so as to test and ,verify' the new law»¹⁷.

Цель политической экономии в XVIII в. — увеличить доход государя или (если речь идет о республике) государства. Тем самым эта дисциплина позиционирует себя как *нормативная наука*, принимая во внимание, что результаты политэкономических исследований должны влиять на поведение людей. В этом состоит принципиальное отличие политической экономии, например, от психологии, которая как фундаментальная естественная наука, изучает поведение человека, не ставя при этом цели на него повлиять. Если исходить из того, что основная цель политической экономии — давать рекомендации по конкретным вопросам государства, то уместна, скорее, аналогия с медицинскими науками, в частности психотерапией, которая опирается в рекомендациях по конкретным вопросам на данные фундаментальной науки о поведении человека — психологии. Однако, в отличие от психологии, в политэкономических исследованиях XVIII—XIX вв. не проводились эксперименты, а гипотезы могли проверяться только на историческом или, в значительно меньших масштабах, чем в XX и XXI в., статистическом материале. Отсутствие экспериментальных данных, согласно представлениям о научном методе, доминировавшим в европейском научном мире Нового времени, ограничивает надежность выдвигаемых исследователем теорий. Вместе с тем в XIX в. в исторических исследованиях становится популярным мнение о возможности получить точное представление о событиях прошлого только на основе максимально тщательного и полного изучения исторических источников, позволяющего отделять факты от вымысла. Так как такая практика установилась в ведущих немецких и французских университетах, особое

---

17. Groenewegen, 152.

внимание уделявшим соблюдению научных стандартов, данные исторических исследований постепенно приобрели высокий статус, а проблема неполноты информации исторических источников и тенденциозности исследователей истории государственных институтов не ставилась в тот период так остро, как это стало характерно в XX в.

Наглядным примером уязвимости предположения о более высокой точности математических моделей экономических процессов, по сравнению с историческим анализом, является кривая Кузнеца. На основе ограниченного набора статистических данных конкретных стран конкретного периода Саймон Кузнец вывел гипотезу об определенном изменении взаимосвязи экономического роста и неравенства доходов населения после начала индустриализации; научное значение данной гипотезы состояло в ее универсальности. Как известно, статистические данные за 1970–2010-е гг., демонстрирующие рост неравенства между богатейшими и беднейшими группами населения в США, опровергают предсказание Кузнеца о снижении уровня неравенства после превышения ВВП на душу населения некой точки X и, соответственно, опровергают эту в свое время влиятельную гипотезу. Очевидно, что кривая Кузнеца не учитывает в должной мере влияние экономической политики на социально-экономическое развитие. Однако менее очевидно, что не только правая, но и левая половина кривой Кузнеца, которая предсказывает резкий рост неравенства с переходом к индустриализации, отражает развитие в конкретный исторический период и также не может считаться универсальной в смысле естественнонаучных законов. Вопрос, следовательно, состоит в том, способны ли подобные математические модели, выведенные из определенного набора данных, более точно объяснить экономические процессы прошлого, не учитывая особенности того или иного конкретного события.

ПРОБЛЕМЫ УНИВЕРСАЛИСТСКОГО ПОДХОДА К ЭКОНОМИКЕ

В представлении Маршалла и других маржиналистов экономическая теория призвана объяснить фундаментальные экономические механизмы, определяющие функционирование экономики в *любой* индустриальной стране. Следовательно, для таких фундаментальных механизмов характерны, во-первых, независимость от культурного, национального и социально-политического контекста и, во-вторых, долговременность. Экономисты-неоклассики полагали, что их теории, при условии отсутствия в них математических ошибок, будут применимы к экономическим процессам в далеких от Европы индустриальных странах и в (относительно) далеком будущем. Однако уже один из первых серьезных тестов, или, пользуясь термином Дж. Даймонда, «естественных экспериментов», неоклассической политэкономии, а именно начавшийся в 1929 г. мировой экономический кризис, показал, что один из центральных постулатов неоклассиков – способность рынка восстанавливать равновесие без активного вмешательства государства – расходится с реальным развитием событий. Кроме многократно замеченной критиками неоклассики неспособности предсказать развитие мирового экономического кризиса межвоенного периода, этот «эксперимент» продемонстрировал, что использование математических инструментов при построении экономических теорий не снимает ключевого методологического вопроса о принципе выбора верной интерпретации количественных данных. От этого вопроса

зависит, в частности, определение границ периодов экономической активности и различение кратко-, средне- и долгосрочных процессов. Оказывается, не всегда можно с уверенностью сказать, какой из указанных процессов описывают статистические данные, что, разумеется, затрудняет применение математических моделей для предсказания экономической динамики.

Однако проблема не ограничивается способностью теории прогнозировать развитие экономики; не менее существенно, что и при анализе экономических процессов прошлого нередко сосуществуют несовместимые интерпретации, которые приводят к различным оценкам эмпирических данных. Историческая статистика, следовательно, представляет собой довольно ненадежную базу теории; однако, учитывая сложность с проведением экономических опытов, иной базы у политической экономии как эмпирической науки в XIX в. быть не могло.

В своей программной лекции Маршалл признает, что экономическая теория должна учитывать исторические факты и одновременно обращает внимание на трудности, связанные с изучением экономических явлений прошлого. Его замечания о допустимости множества противоречащих друг другу интерпретаций исторических событий, сложности определения причинно-следственной связи при их анализе и неполноте любого знания о прошлом созвучны аргументам современных историков и социологов, критикующих экономические теории мейнстрима за их абстрактные и чрезмерно упрощенные модели социальных явлений. Однако эти трудности не представляются Маршаллу непреодолимым препятствием для существования экономической науки. Отвергая схематизм и умозрительность классической английской политэкономии, с одной стороны, и чисто эмпирический метод им не названных представителей исторической школы – с другой, он настаивает на решающем значении «специальной системы рассуждений [special organon]» в экономическом анализе. Защищаясь от критики в преувеличении значения эгоистичных побуждений в развитии экономики, характерном для классической политэкономии, Маршалл отмечает, что принципиальным для экономического анализа является не природа мотивов поведения, а общее для этих мотивов свойство отражать цену в денежном выражении и, следовательно, *поддаваться изме-*

рению. Такая настойчивость в обсуждении метрического аспекта экономического анализа неудивительна в контексте научного дискурса XIX в. с характерным для естественных наук отождествлением *измеримости* наблюдаемых явлений с их *объективным* описанием. Любопытно, однако, что Маршалл доверяет не только популярному в то время критерию объективности научного метода, но и людям, практикующим этот метод в своей профессиональной деятельности.

Согласно Маршаллу, не факты проверяют экономические теории, а, напротив, экономический органон позволяет правильно анализировать факты, которые сами по себе не могут быть аргументом за или против той или иной теории. «Чтобы с уверенностью интерпретировать экономические факты прошлого или настоящего, необходимо знать, какой эффект следует ожидать от каждой причины и какое действие эти эффекты производят вместе. Это и есть знание, которое дает нам экономическая наука»¹⁸. Для экономического «органона» решающее значение, согласно Маршаллу, имеет применение трех методов логики Милля для правильного (научного) изучения экономической истории: метод сходства, метод остатков и метод различий. Так как факты никогда не говорят сами по себе, исследователь должен их допрашивать, чтобы изучить действие причин по отдельности и в комбинации¹⁹. Получив таким образом органон экономической теории, исследователь может использовать его для анализа экономической составляющей социальных проблем.

Для понимания взгляда Маршалла на метод экономической истории следует обратиться к его сравнению средневековых европейских институтов с обычаями, влияющими на экономическое поведение в современной ему Индии. Признавая значимость историко-экономических исследований для ревизии представления о неизменности экономического поведения, Маршалл полагает, что для более глубокого изучения средневековых обычаев, скрывавших развитие свободного предпринимательства и тем самым препятствовавших экономическому росту, необходимо сначала разобраться в причинах устойчивости индийских обычаев, кото-

---

18. Marshall, *The Present Position of Economics, an Inaugural Lecture*, 44.

19. Marshall, 51.

рые, по мнению Маршалла, обуславливают отсталость этой страны. Маршалл признает, что экономическая наука еще не установила эти причины, но считает возможным решение этого вопроса в будущем. В отличие от историка экономики ученый, изучающий современные ему явления, может допросить («cross-examine») их, чтобы проверить определенную гипотезу. Поняв принцип функционирования индийского землепользования, можно реконструировать земельные отношения в средневековой Англии, восполнив значительные пробелы в исторических данных. В сноске к рассуждениям о причинах устойчивости обычая в «Основах» Маршалл замечает, что «в применении современных методов к явлениям прошлого скрывается значительная опасность: их легче применить неверно, чем верно». Однако он настаивает на применении знаний, полученных экономической теорией при изучении современных явлений, к историческим явлениям, а не наоборот, четко обозначая отличие своей методологии от взглядов Каннингема²⁰.

В основе такого представления о теоретическом преимуществе исследования современных явлений лежит допущение относительной независимости экономической сферы деятельности человека, которая, как минимум, в теории, может быть полностью описана с помощью формальных средств анализа. Эта сфера представляет собой совокупность правил и механизмов максимизации пользы, которые потенциально применимы к любым ситуациям, где люди руководствуются мотивом удовлетворения потребностей или желаний. Тем самым экономическая сфера отделяется от других областей общественной жизни: культурной, религиозной, военной, правовой и, что особенно важно, политической.

Обычай, с такой точки зрения, выступает, по существу, силой, тормозящей внедрение технологий и экономический рост. Однако чтобы объяснить появление обычаев, Маршалл выдвигает тезис, что многие экономические обычаи сами возникают из-за уравнивания (equilibration) побудительных мотивов, поддающихся измерению, т.е. имеют экономическую природу. В «Основах» Маршалл говорит о происхождении обычаев более уклончиво, чем в своей Кембриджской лекции, допуская, что хозяйственные

---

20. Alfred Marshall, *Principles of Economics: Unabridged Eighth Edition* (Cosimo, Inc., 2009), 534 n.

обычай могли возникнуть не из чисто эгоистических побуждений, а само понятие «обычай» тесно связано в его рассуждениях с отсталостью. Между тем в современной науке известно немало примеров влияния, причем необязательно негативного, культурных и религиозных традиций на экономическое развитие²¹. Так, ряд исследователей отмечают влияние различий в праве наследования в иудаизме и исламе на существенные различия в экономическом развитии Израиля и стран с исламом как государственной религией²². Принятая в иудейской традиции система наследования способствовала консолидации капитала и создавала предпосылки для крупных инвестиций.

Другая проблема, связанная с подходом Маршалла к экономической истории, состоит в сложности определения условий, необходимых для применения знаний о современных явлениях к явлениям прошлого. Решение исследователя применить ту или иную теорию, созданную на основе анализа современных явлений, к явлениям прошлого означает, что исследователь уже знает главное о предмете, который только собирается изучить, а именно, что данное явление аналогично уже известному и может быть описано с помощью категорий, применимых для характеристики изученного явления. Именно указанная Маршаллом проблема изучения явлений прошлого — фрагментарность исторической информации — не позволяет создать общий алгоритм раскрытия аналогии между явлениями прошлого и настоящего, существенно ограничивая применение знаний о современности к изучению явлений прошлого. Даже если признать, вслед за рядом современных историков экономической мысли, позицию Каннингема как радикально чуждую использованию аппарата экономической теории в экономической истории, следует отметить, по прошествии более ста лет после выхода программного текста Маршалла о перспективе экономической науки, необоснованность его оптимизма относительно возможности экономической теории помочь историкам рассмотреть «как в телескопе» элементы обычаев древности.

---

21. См. Luigi Guiso, Paola Sapienza, and Luigi Zingales, 'Does Culture Affect Economic Outcomes?', *Journal of Economic Perspectives* 20, no. 2 (2006): 23–48.

22. Rachel M. McCleary, *The Oxford Handbook of the Economics of Religion* (Oxford University Press, 2011), 72.

«METHODENSTREIT» И ДИСКУССИЯ О ЗНАЧЕНИИ ПРОТЕКЦИОНИЗМА В ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ

Современники Маршалла также усомнились в обоснованности утверждений об отношениях между экономической историей и теорией, и в частности, об эвристическом значении теории для объяснения происхождения экономических институтов прошлого. Так, У. Эшли в лекции по случаю вступления в должность профессора экономической истории в Гарвардском университете оспорил утверждение Джона Невилла Кейнса о необходимости владения особым аппаратом научного знания для правильного понимания причинно-следственной связи при анализе исторических событий. В «Предмете и методе политической экономии» Кейнс замечает, что подлинные причинно-следственные связи разнородных явлений под силу обнаружить лишь специально обученному и владеющему научным знанием исследователю. Однако пример, который он приводит для иллюстрации своего утверждения, свидетельствует, по мнению Эшли, скорее о противном. Так, засуха приводила в Средние века к росту спроса и цен на продукты сельского хозяйства, вследствие чего в административных документах в такие годы часто упоминается «дороговизна железа». «Несомненно, что для выявления столь явной связи между явлениями не нужно ничего, кроме обычного здравого смысла», — комментирует этот пример Эшли и иронично цитирует английского экономиста Торольда Роджерса: «Сколько много было известно во времена египетских

и вавилонских царей».²³ Иными словами, польза от чересчур высокопарного языка экономической теории, по мнению Эшли, невелика, особенно в том, что касается древних периодов истории, которые как раз требуют серьезного исследования. Для того, чтобы изучать факты с помощью разума и следовать трем правилам логики Милля, не обязательно владеть особым экономическим инструментарием — эти требования доступны каждому здравомыслящему человеку²⁴.

Возвращаясь к примеру с правом на наследование, следует отметить, что в современной экономической теории поиски моделей, дополняющих и корректирующих модель рационального поведения, нередко стимулируются работами по экономической истории, которые показывают расхождение между предсказаниями (нео)классической экономической теории и реальными параметрами экономического развития. В этом отношении экономическая история не просто тестирует на обширном эмпирическом материале те или иные экономические модели, но демонстрирует принципиальную гипотетичность экономической науки, что подчеркивал Эшли, говоря о связи экономической истории и теории. Как его немецкие современники Шмоллер и Brentano, Эшли был обеспокоен, что превалирование дедуктивного метода над индуктивным, явно выраженное у Менгера и Кейнса и, в более умеренной форме, у Маршалла, чревато скатыванием экономической теории в набор догматов, некритичное следование которым может обернуться ошибочной экономической политикой. В своем обзоре развития британской политической экономии второй половины XIX в. Эшли с настороженностью отмечал признаки появления нового догматизма, напоминавшего ему первый, рикардианский догматизм, и предупреждал о его возможных негативных последствиях для экономического положения Великобритании. Не отрицая определенных преимуществ свободной торговли, Эшли скептически оценивал возможность создания теории, которую без возражений приняли бы все экономисты и которая позволяла бы тестировать те или иные концепции экономической политики. Как следствие

---

23. William J. Ashley, 'On the Study of Economic History', *The Quarterly Journal of Economics* 7, no. 2 (1893): 127.

24. Ashley, 129.

упомянутой выше гипотетичности экономического знания, каждое конкретное предложение должно проходить проверку путем сопоставления тщательно изученных фактов и вероятных сценариев развития, а не оцениваться по критерию соответствия определенной экономической доктрине. В рамках такого подхода, стимулирующего непредвзятую критику самых разных проектов развития страны как в краткосрочном, так и в долгосрочном периоде, Эшли доказывал неадекватность концепции свободной торговли новым условиям рубежа XIX–XX вв., когда на глазах росла промышленность США, Германии и Японии, и отстаивал необходимость имперских преференций для защиты британской экономики от иностранной конкуренции²⁵. Следует подчеркнуть, что в понимании Эшли экономический аспект преференций был тесно связан с социальным, так как таможенные тарифы должны были прежде всего защитить те отрасли производства, которые под давлением более дешевых товаров зарубежных конкурентов могли либо разориться и вызвать рост безработицы, либо снизить заработную плату рабочих и увеличить рост социального неравенства²⁶. Эшли предупреждал своих современников об опасности дампинга, обусловленного свободной торговлей, отмечая, что, хотя низкие цены импортных товаров могут быть выгодны обеспеченным британским потребителям, они не создают рабочих мест для британского рабочего класса²⁷. Социальный вопрос становился в индустриальных странах все более острым по мере расширения групп граждан, имеющих право голоса, и роста социалистических партий²⁸. Хотя Маршалл также считал изучение социальных аспектов экономического развития важным направлением экономической науки, он не учитывал последствия политики свободной торговли для мало защищенных слоев населения в той мере, в какой это было характерно для представителей исторической школы. События недавнего времени показывают, что тенденция вытеснять данную проблему на периферии мейнстримом-

-
25. William J. Ashley, 'The Present Position of Political Economy', *The Economic Journal* 17, no. 68 (1907): 487–88; W. J. Ashley, 'The Argument for Preference', *The Economic Journal* 14, no. 53 (1904).
26. Ashley, *William James Ashley: A Life*, 124.
27. Gerard M. Koot, 'Historical Economics and the Revival of Mercantilism Thought in Britain, 1870–1920', in *Mercantilist Economics* (Springer, 1993), 190.
28. Cardoso and Psalidopoulos, *The German Historical School and European Economic Thought*, xvii.

вой экономической науки и приуменьшать ее значение может приводить к искаженному представлению о механизме распределения и недальновидным политическим решениям.

Такая позиция могла вызывать упреки в эклектизме и дилетантизме. В известном смысле она действительно противоречила видению экономической науки, которое отстаивал Маршалл, говоря о необходимости прихода в политическую экономию людей с опытом в точных науках, которые смогут применить «экономический органон» для создания строгой системы надежного экономического знания²⁹. Ставя под сомнение возможность такой системы универсально применимых рекомендаций, Эшли, как в свое время Каннингем, доказывал, что в общественных науках соблюдение правил научного метода не может гарантировать безусловную точность того или иного предположения и его применимость во всех возможных обстоятельствах. Утверждение, что и профессиональные экономисты, применяющие научный метод, могут приходиться к неверным выводам и делать ошибочные рекомендации, иными словами, могут ошибаться, как и неспециалисты, не способствовало поддержанию академической харизмы экономистов, которую описывал Маршалл в своей вступительной лекции: «В человеческом поведении не отдельная черта обуславливает какую-то другую черту, а они все вместе взаимно определяют друг друга. Постичь эту сложную взаимозависимость действий как цельную картину под силу немногим. Решить эту задачу могут лишь те, кто обладает опытом в научном мышлении и использует специальную систему рассуждений»³⁰. Эмпирический и естественнонаучный подход был идеалом и Менгера³¹, который отмечал, что эгоистический рационализм — необходимое упрощение, как игнорирование трения в физике и допущение существования элементов без смесей в химии³². Критикуя Маршалла за стремление построить общую теорию экономических явлений, Каннингем и Эшли исходили из принципиально иного представле-

---

29. Отметим, что еще Милль считал, что знание методов физических наук позволяет людям делать более точные выводы при анализе политических вопросов — точка зрения, которую подверг критике Шмоллер (Schmoller, *Volkswirtschaft, Volkswirtschaftslehre und —methode*, 567).

30. Marshall, *The Present Position of Economics, an Inaugural Lecture*.

31. См. Grundsätze, xlv; Lindenfeld, 248.

32. Schmoller, *Untersuchungen*, 41, 75.

ния об идеале научной точности – эмпирическом методе, который предполагал приоритет конкретных исторических и статистических исследований. Такая позиция была родственна представлению об эмпирическом методе как о «подлинно научном» подходе, которое неоднократно высказывал Шмоллер³³. Критика неизменности причинно-следственных связей в истории экономики³⁴ соответствовала у Шмоллера тезису о решающем значении конкретного контекста при выборе мер экономической политики. Однако отличие эмпирического, или «плюралистического»³⁵, подхода Шмоллера и Эшли к экономической теории отличалось от понимания политэкономии как чисто практической науки тем, что они ставили задачу изучить экономическую эволюцию. По мнению Эшли, именно изучение стадий движения экономической жизни общества должно было стать приоритетной задачей экономики как науки³⁶. Хотя поиск законов экономического развития был, по существу, альтернативой неоклассическому акцентированию универсальных закономерностей и был тесно связан с критикой построения универсально применимых моделей, это отличие ускользнуло от внимания Дж.Н. Кейнса, рассматривавшего «Экономическую историю Англии в связи с экономической теорией» Эшли³⁷ в своем «Предмете и методе», так как в предисловии Эшли недвусмысленно высказывается о предпочтительном, с его точки зрения, направлении развития экономики: «История доказывает, что всякий институт, более или менее значительный, приносит в свое время известную долю пользы и имеет свое относительное оправдание... Новейшие экономические теории, следовательно, истинны не безусловно; они не верны ни для прошедшего, когда не существовало постулируемых ими условий, ни для будущего, когда условия изменятся, если только общество не станет неподвижным»³⁸.

33. Erik Grimmer-Solem, *The Rise of Historical Economics and Social Reform in Germany, 1864–1894* (Oxford University Press, 2003), 134–36.

34. См. Schmoller, *Einige Grundfragen*, 355–357.

35. Grimmer-Solem, *The Rise of Historical Economics and Social Reform in Germany*, 134.

36. Kadish, *Historians, Economists, and Economic History* (Routledge Revivals), 90–92.

37. W.J. Ashley, *An Introduction to English Economic History and Theory*, New York, 1888. Рус. издание в пер. Н. Муравьева: Экономическая история Англии в связи с экономической теорией. М., 1897, здесь: с. XIV.

38. Эшли, Экономическая история Англии, с. XII.

Эшли полагал, что эти условия уже изменились, так как Великобритания в конце XIX в. постепенно утрачивала лидерство среди индустриальных стран. Спор о методах имел для него, как и для Каннингема, политическое значение: для сохранения национального единства и благосостояния нельзя допустить неконтролируемый государством хаос конкуренции, ведущий к углублению социального неравенства и обострению конфликтов между различными слоями общества³⁹. Согласно Каннингему, политическая экономия должна изучать потребности и амбиции отдельных государств и может только указать способы достижения богатства конкретного государства, потому что богатства «вообще» не существует⁴⁰. Такая позиция, разумеется, была несовместима с идеей необходимости свободной конкуренции для экономического процветания: «Свободная торговля воплощала все, что вызывало его [Каннингема] неприязнь: индивидуализм, космополитизм, материализм и невмешательство государства в экономику»⁴¹. Хотя Эшли не рассматривал историю теологически как движение к усилению государства, экономическое развитие в его понимании истории было неразрывно связано с политическим. Следует заметить, что и Адам Смит рассматривал значение экономической теории также с точки зрения государственного благосостояния: «Политическая экономия, рассматриваемая как отрасль знания, необходимая государственному деятелю или законодателю, ставит себе две различные задачи: во-первых, обеспечить народу обильный доход или средства существования, а точнее, обеспечить ему возможность добывать себе их; во-вторых, доставлять государству или обществу доход, достаточный для общественных потребностей. Она ставит себе целью обогащение как народа, так и государя»⁴². Характерно, что британские сторонники исторического подхода критиковали не столько Смита, сколько Рикардо, который, как писал Каннингем, свел

39. Как отмечал Дж. Коот, британский спор о методах „was not a pale reflection of the more famous German methodological debate ... (but) a wide-ranging dispute over the appropriate use of an inductive or deductive method in economic study, the role of the scientist in society, competition over academic posts and intellectual territory within the universities, and, most importantly, broadly dissimilar social and intellectual ideals.” Koot, ‘Historical Economics and the Revival of Mercantilism Thought in Britain, 1870–1920’, 190.

40. *The Palgrave Companion to Cambridge Economics* | Robert A. Cord | Palgrave Macmillan, 434.

41. *Ibid.*, 432.

42. Адам Смит, *Богатство народов*, IV.

экономическую теорию к абстрактным рассуждениям о конкуренции между стремящимися умножить личное богатство индивидами, игнорируя важнейший предмет экономического анализа — умножение богатства нации.

По мнению Каннингема, заслугой немецких экономистов, в особенности Рощера и Листа, было возвращение национального богатства в центр политической экономии⁴³. Соотнося такой подход к задачам экономической теории со стремительным подъемом немецкой экономики во второй половине XIX в., британские «экономисты-историки», разумеется, не могли принять точку зрения Маршалла на приоритеты политической экономии. Ведь Маршалл, что уже отмечалось выше, определял основную задачу экономической науки как «измерение мотивов [человеческого поведения], количественным выражением которых является цена, которую человек готов заплатить за удовлетворение своего желания. Измеримость — ключевая новация неоклассики, которая связана с постулатом о конкуренции как двигателе развития экономики, а покупательная сила денег является мерой всех мотивов»⁴⁴.

В литературе уже высказывалось предположение о популярности исторического направления политэкономии в странах и регионах с относительно быстро развивающейся промышленностью, причем ключевую роль в объяснении симпатий крупной буржуазии к исторической школе играют аргументы в пользу протекционизма, которые выдвигали представители данного направления⁴⁵. Хотя историческую школу некорректно сводить к апологии протекционизма и вмешательства государства в экономику⁴⁶, для многих либеральных критиков исторической школы на рубеже XIX–XX вв. ее наименование было синонимом протекционистского подхода к развитию экономики. Спустя сто лет после острых споров о пользе и вреде импортных пошлин, которые раскололи

43. William Cunningham, 'Why Had Roscher so Little Influence in England?', *The Annals of the American Academy of Political and Social Science* 5, no. 3 (1894): 3.

44. Marshall, *The Present Position of Economics, an Inaugural Lecture*.

45. Автономов В.С. Абстракция — мать порядка? (историко-методологические рассуждения о связи экономической науки и экономической политики) // Вопросы Экономики. 2013. №4. С. 4–23.

46. Erik Grimmer-Solem and Roberto Romani, 'In Search of Full Empirical Reality: Historical Political Economy, 1870–1900', *The European Journal of the History of Economic Thought* 6, no. 3 (September 1999): 350.

британскую и немецкую общественность на два непримиримых лагеря и закончились (победой протекционистской «партии») только в 1932 г. с введением имперского таможенного тарифа, большинство академических экономистов убеждены в том, что плюсы свободной торговли для национальной экономики определенно перевешивают минусы.

Изолируя экономику от политического процесса, сторонники неоклассики оставляли за рамками научного анализа влияние компаний на формирование экономической политики, которое в реальности выходит за пределы лоббирования краткосрочных интересов бизнеса. Как известно на многочисленных примерах, в реальных условиях предприятия пытаются использовать политику как важный инструмент максимизации прибыли, защиты от возможных конъюнктурных колебаний (например, с помощью субсидий и снижения регуляции) и увеличения доли на внутреннем и внешних рынках. Компании не просто лоббируют свои интересы, например, поддерживая и финансируя определенных кандидатов на выборах, но и влияют на экономическую политику, проводя с помощью поддерживаемых ими политиков решения, которые в долгосрочной перспективе выгодны именно этим компаниям или группам компаний. Так, трудно отрицать связь между гигантским объемом пожертвований инвестиционного банка Goldman Sachs в предвыборные кампании в США в 2000-е гг. и последовательным курсом на дерегуляцию финансового сектора в этот период, обернувшимся в итоге крупнейшим финансовым кризисом. Хотя крупные денежные пожертвования нельзя приравнивать к взяткам, они способствуют установлению долгосрочных покровительственно-спонсорских отношений между политиками и крупными бизнесменами, позволяющих политикам не беспокоиться о своем будущем после завершения политической карьеры, а многочисленные законодательные инициативы по ограничению размеров частных пожертвований на предвыборные кампании в разных странах свидетельствуют о масштабе влияния крупных экономических организаций на политику.

Ярким свидетельством доминирования либерального направления в экономике международной торговли явилось открытое письмо десяти нобелевских лауреатов по экономике, опублико-

ванное в газете «Гардиан» за четыре дня до референдума о выходе Великобритании из Европейского союза⁴⁷. Отмечая центральную роль экономических вопросов в дискуссии о выходе из ЕС, К. Эрроу, Р. Солоу и другие авторы письма недвусмысленно давали понять, как британцам следует голосовать на референдуме: «Экономические аргументы явно в пользу сохранения [Великобританией] членства в ЕС». Как известно, большинство британских граждан к мнению нобелевских лауреатов не прислушалось.

На фоне многочисленных писем и статей известных писателей, ученых и общественных деятелей против выхода Великобритании из ЕС письмо десяти экономистов не вызвало большого резонанса. Однако оно примечательно, как минимум, в двух отношениях: во-первых, это редкий случай, когда представители мейнстрима выступили с единой позицией в политических дебатах, причем большинство из них не являлись гражданами Великобритании, и, во-вторых, оно прекрасно демонстрирует академическую харизму в действии. Подпись нобелевских лауреатов под открытым письмом является символическим актом, сертифицирующим наличие определенной научной точки зрения на общественно важный вопрос и автоматически переводящим дискуссию из области столкновения политических интересов в пространство строгого научного анализа, неподвластного страстям и предубеждениям. Авторы письма не просто выразили свое частное мнение, но выступили в роли признанных на высшем уровне и неравнодушных к жизни общества экспертов, готовых применить научное знание для решения практических проблем. Следует отметить, что, в отличие от жесткой критики общественных средств массовой информации (например, «Би-Би-Си» и американской телекомпании «Эн-пи-ар») в леволиберальном уклоне, такой шаг экономистов в целом не вызвал упреков в нарушении наукой нейтралитета по отношению к политике. Однако если авторы письма рассчитывали на то, что их научный авторитет усилит аргументы в пользу сохранения Великобритании в составе ЕС, своим выступлением они, вероятно, скорее, понизили статус экономики и в научной среде, и в обще-

---

47. www.theguardian.com/politics/2016/jun/19/we-nobel-prize-winning-economists-believe-the-uk-is-better-off-in-the-eu.

стве в целом. Утверждение, что экономические аргументы говорят против Брекзита, высказанное нобелевским лауреатом, имеет иной вес, чем то же утверждение из уст политика, так как предполагается, что экономист делает выводы на основе объективного знания. Проблема состоит в данном случае в том, что такие публично высказанные утверждения усиливают позицию определенной стороны, если они действительно отражают консенсус в научной среде (как, например, в до сих пор спорном в некоторых странах вопросе о происхождении человека), но могут вызвать эффект, противоположный ожидаемому, если подменяют единство мнения научного сообщества на тот или иной вопрос видимостью такого мнения. Так, авторы упомянутого письма не сочли необходимым отметить, что даже среди лауреатов Нобелевской премии по экономике есть различные точки зрения относительно преимуществ и недостатков свободной торговли, и представили свою позицию как единственно «научную» по данному вопросу. В ретроспективе такая категоричность представляется неоправданно жесткой, если учесть, что до сих пор нет ясности относительно непосредственного эффекта Брекзита на экономику и что некоторые экономисты, предсказывавшие коллапс британской экономики в случае победы сторонников выхода страны из ЕС, признали ошибочность своих прогнозов⁴⁸.

Развитие экономики Великобритании после референдума, как и экономики США после избрания Дональда Трампа президентом, не по апокалиптическому сценарию может, с одной стороны, усилить позиции неортодоксальных экономистов, а с другой — нанести удар по авторитету мейнстрима, рассматривающего экономическую теорию в рамках ценностно-нейтрального подхода как знание, эпистемологически эквивалентное естественным наукам. Между тем характерное для неоклассики отделение экономики от политики и, как следствие, преуменьшение значения протекционистских мер в экономической истории развитых стран заставляет сомневаться в ценностно-нейтральном подходе представителей мейнстрима к экономическим явлениям. В этом отношении значение спора о методах нельзя преувеличить, поскольку он стал важнейшим эпизодом в процессе самоидентификации неоклассической

---

48. www.theguardian.com/business/2017/jan/05/chief-economist-of-bank-of-england-admits-errors.

экономики как теоретической дисциплины, а не идеологической платформы Либеральной партии. Задачей первоочередной важности для Маршалла и Кейнса было убедить общественность, что они критикуют протекционистов не как либералы, а как сторонники научного подхода к экономической политике. Еще в 1877 г. Маршалл написал (не опубликованный при жизни) труд по теории международной торговли, в котором с помощью математического аппарата и метода диаграмм пытался подвести научную основу под тезис классической политэкономии о благотворности свободной торговли, признавая в то же время, что «много одаренных экономистов за пределами Великобритании полагают, что эти прямые и благотворные эффекты перевешиваются непрямыми пагубными эффектами»⁴⁹. Противопоставляя научную политэкономия, или *economics*, как он предпочитал называть ее по аналогии с физикой (*physics*) и математикой (*mathematics*), литературной (*literary*) политэкономии, Маршалл отождествлял свой дедуктивный метод с принципом научной объективности и стремился вывести экономику из сферы конкурирующих философских школ в разряд строгой научной дисциплины. Однако сторонники введения пошлин, такие как Каннингем и Эшли, также основывали свои аргументы на применении научного метода и, более того, упрекали своих оппонентов в недостаточной точности метода и пренебрежении историческими фактами.

Таким образом, полемика по вопросу необходимости протекционистских мер проявила существенные различия в представлении о научности экономики. Если Кейнс и Маршалл ориентировались преимущественно на математику и теоретическую механику, выдвигая на первое место в качестве критерия научности измеримость описываемых явлений, то для Каннингема научность экономических теорий напрямую зависела от того, насколько теории подтверждаются историческими фактами. Так, критикуя сторонников свободной торговли и отстаивая необходимость имперских преференций, Каннингем мог ссылаться на собственные исторические исследования, демонстрировавшие размах протекционистской

---

49. Groenewegen, *A Soaring Eagle*, 173. Как отмечает Греневерген, Маршаллу не удалось убедить своих американских коллег, с которыми он встречался в 1875 г. в США, в бесспорных преимуществах свободной торговли.

политики монархов династии Тюдоров. Историческая аргументация была сильной стороной трудов Каннингема, Эшли и других протекционистов, поскольку исторические факты действительно свидетельствуют о важной роли государства в период формирования английской промышленности, в первую очередь текстильной, в XV–XVII вв. Согласно такой интерпретации экономической истории, открытие рынка для зарубежных товаров задушило бы неокрепшую английскую текстильную промышленность, которая в тот период существенно уступала нидерландской⁵⁰. Данный пример из английской экономической истории можно подкрепить примерами эффективных протекционистских мер более позднего времени в таких странах, как США и Китай: высокие пошлины в Америке на протяжении всего XIX в. и ограничение доступа зарубежных производителей телекоммуникационных товаров к китайскому рынку в 1990-х гг. Так, основатель Huawei открыто признавал, что без поддержки китайского правительства его компания не выдержала бы конкуренции с мировыми лидерами в этой отрасли⁵¹.

В целом можно констатировать, что защита национальных производителей *на раннем этапе* развития промышленности той или иной отрасли более характерна для ставших впоследствии экономически развитыми стран, чем политика открытого рынка. Как показал Эфраим Липсон, автор фундаментального труда по истории английской экономики в Средние века и Новое время, эпоха меркантилизма заложила основы подъема английской экономики в XVIII–XIX вв. и позволила Англии успешно адаптироваться к изменениям в международной торговле, вызванным мировой экспансией европейских стран в XVI вв. Проводя параллели со своим временем (1930-ми годами), Липсон также указывал на сравнительные преимущества меркантилизма как аналога политического национализма в экономической сфере: «Его возрождение в наши дни демонстрирует, что в условиях нестабильности является [политика меркантилизма] в известной мере оправ-

---

50. William J. Bernstein, *A Splendid Exchange: How Trade Shaped the World* (Grove/Atlantic, Inc., 2009), 261–63.

51. Peilei Fan, 'Catching up through Developing Innovation Capability: Evidence from China's Telecom-Equipment Industry', *Technovation* 26, no. 3 (1 March 2006): 364.

дано, чего не понимают его доктринерские критики»⁵². Более того, переход к политике свободной торговли был, по мнению Липсона, в первую очередь связан не с убедительностью анализа источника богатства государств, предложенного Адамом Смитом, а с интересами окрепшей английской промышленности, нуждавшейся теперь только в юридической, а не военной и политической защите⁵³. Такой вывод, сделанный на богатом историческом материале, противоречит тезису о свободной конкуренции как двигателе экономического роста, более того, опровергает *универсальность* данного утверждения⁵⁴. С точки зрения сторонников исторического подхода, этот вывод был научным, эмпирически обоснованным аргументом против фритредерства. Вероятно, чтобы подчеркнуть научность своих аргументов, представители исторического подхода предпочитали называть свой метод «реалистическим» или «эмпирически-реалистическим», намекая на нереалистичность аргументации противоположной стороны⁵⁵. При этом представители исторического метода были в целом менее оптимистичны в оценке возможностей экономической науки. Анализируя причины сравнительно скромных успехов этой дисциплины по сравнению с физико-математическими науками, они выделяли в качестве основной проблемы недостаточность эмпирической базы для построения точных моделей экономического поведения⁵⁶. Согласно Каннингему, политическая экономия должна находиться на данный момент на стадии, аналогичной ботанике и естественной истории до Дарвина, как эмпирическая наука в стадии классификации наблюдаемых явлений⁵⁷. Более сложным

52. Ephraim Lipson, *The Economic History of England: The Middle Ages*. -v. 2–3. *The Age of Mercantilism*, Vol. 2, Third Edition (London, 1943), lxxxviii.

53. Ibid., ci.

54. Erik Grimmer-Solem, 'Geopolitik Und Nationalökonomie Vor Dem Ersten Weltkrieg: Plädoyer Für Eine Transnationale Geschichte Der Wirtschaftswissenschaften', in *Die Zeit Um Den Ersten Weltkrieg Als Krisenzeit Der Ökonomen*, vol. 115, Schriften Des Vereins Für Socialpolitik: Neue Folge (Studien Zur Entwicklung Der Ökonomischen Theorien XXX) (Berlin, 2016), 72.

55. Erik Grimmer-Solem and Roberto Romani, 'In Search of Full Empirical Reality: Historical Political Economy, 1870–1900', *The European Journal of the History of Economic Thought* 6, no. 3 (September 1999): 340–43.

56. Schmoller, *Volkswirtschaft, Volkswirtschaftslehre und –methode*, 555.

57. William Cunningham, *Political Economy Treated as an Empirical Science: A Syllabus of Lectures* (Macmillan and Bowes, 1887), 8.

был для представителей исторического подхода вопрос о *теоретической* возможности открытия точных, т.е. универсально применимых, экономических законов. Каннингем, Шмоллер и Эшли, по-видимому, сомневались в такой возможности⁵⁸. Так, ученик Шмоллера Вильгельм Хасбах писал, что «если бы точное направление [политической экономии] могло учесть в своих расчетах различные силы, приводящие в движение хозяйственную жизнь [...] мы стали бы самыми рьяными сторонниками точного метода. Но так как сейчас это не так и так не будет никогда, мы должны принять индукцию как наиболее подходящий метод исследований в области национальной экономики, отдавая себе отчет в том, что точное наблюдение не всегда дается легко, что иногда удается констатировать лишь аналогии и что эмпирические законы не обладают строгой необходимостью»⁵⁹.

---

58. Эшли считал маловероятным появление теории, которая объясняла бы совокупность экономических явлений и при этом имела бы всеобщее признание. Kadish, *Historians, Economists, and Economic History* (Routledge Revivals), 238.

59. Wilhelm Hasbach, Ein Beitrag zur Methodologie der Nationalökonomie, *Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im Deutschen Reich*, 9, 184 [576].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подчеркивая научность своего подхода, сторонники исторического метода считали ошибочным редуцировать сложную систему экономических отношений до нескольких базовых принципов, из которых можно было бы вывести рекомендации по конкретным проблемам. Абстрактные принципы экономической науки не могут быть абсолютной истиной, доказывал Шмоллер, поскольку они основываются на фикции неизменности определенного уровня развития культуры⁶⁰. Сведение экономической теории к построению моделей на основе абстрактных принципов, по мнению Шмоллера, не только упрощает, но и искажает экономическую реальность и оборачивается ложным восприятием реальных проблем экономики. Исследователи методологии экономической науки не раз обращали внимание на схематизм и условность концепции экономического поведения, предложенной Невиллом Кейнсом. Особенно уязвимым элементом в этой концепции является трудность проверки полученных на ее основе гипотез, таких как гипотеза свободной конкуренции, которая «приблизительно верна по отношению к многим экономическим явлениям», но не ясно, как она реализуется в конкретной ситуации⁶¹.

Итак, историческая школа политической экономии принципиально отличалась от так называемого точного, или дедуктивного, метода в двух аспектах: в понимании того, что позволяет считать

---

60. Schmoller, Volkswirtschaft, Volkswirtschaftslehre und –methode, 560.

61. Блауг, Методология экономической науки, 140.

метод изучения общества научным, и в отношении к практическим задачам экономической науки. В литературе отмечалось влияние Уильяма Хьюэлла на представление о методе политической экономии как на немецких (Шмоллер, Хасбах), так и на британских (Клифф Лесли, Дж. К. Инграм) представителей исторического направления⁶². Критикуя учение Милля о методе, Хьюэлл подчеркивал центральную роль эмпирической проверки гипотез и догадок (*guesses*), которая позволяет отсеивать ошибочные гипотезы от способствующих дальнейшему изучению предмета. Говоря об «эмпирических законах», Хасбах и Шмоллер указывали на значение эмпирических исследований для развития политической экономии как науки, дистанцируясь от характерного для дедуктивного метода приложения теоретических конструкций, выведенных из якобы очевидных аксиом, к анализу конкретных явлений. Этим объясняется склонность представителей исторической школы назвать свой метод реалистическим, причем под реалистичностью, как правило, понималось доминирование эмпирических исследований. Как отмечал Эшли в статье о преимуществах немецкого экономического образования, это позволяет считать исторический метод частным случаем «реалистического», под которым он понимал тщательное изучение и классификацию фактов⁶³. Не отрицая относительную пользу моделей, упрощающих реальность, сторонники «реалистического метода» предостерегали своих коллег от увлечения абстрактными моделями, стирающими важные различия между странами, отраслями производства и историческими периодами. Это касалось как модели эгоистического поведения, так и основанной на ней теории свободной торговли. Не отвергая их в принципе, экономисты исторического направления указывали на многочисленные примеры, демонстрирующие неадекватность умозрительных конструкций для понимания сложных экономических явлений. Возражая Миллю, утверждавшему, что в сложных практических случаях, таких, например, как принятие решения о введении пошлин ради увеличения

---

62. Jürgen Backhaus and Reginald Hansen, 'Methodenstreit in der Nationalökonomie', *Journal for General Philosophy of Science* 31, no. 2 (1 December 2000): 307–36; Keith Tribe, 'Historical Schools of Economics: German and English', in *A Companion to the History of Economic Thought* (New York, 2003), 215–30.

63. W.J. Ashley, 'The Enlargement of Economics', *The Economic Journal* 18, no. 70 (1908): 189.

национального богатства, когда трудно точно установить причину и следствие, общие исследования не могут дать определенный ответ, Шмоллер отмечал, что специальные исследования показали, что при определенных условиях протекционистские меры могут иметь положительный эффект⁶⁴.

Второй аспект, тесно связанный с особенностью метода исторической школы, состоит в ее интересе к решению практических задач национальной экономики. При этом задача политической экономии понималась не просто как поиск источников роста производительности, а как понимание факторов роста благосостояния общества *в целом*. Если классическая политэкономия и в еще большей степени неоклассика выделяли экономику в независимую от политики сферу, историческая школа, напротив, рассматривала экономику как интегральную часть конкретной политической системы. С этим, вероятно, связано и понимание немецкими экономистами исторической школы своей роли как советников «просвещенного правительства», которое должно учитывать не только интересы экономически влиятельных кругов, но и всех общественных групп страны.

XX век показал наивность веры как в прозрачность исторических документов, основной эмпирической базы исторической школы, так и в просвещенное правительство, способное возвышаться над политической борьбой конкурирующих групп интересов и принимать дальновидные решения на благо страны в целом. Однако начало XXI в., который, как казалось сторонникам мейнстрима, должен стать веком триумфа глобальной рыночной экономики, также показывает необоснованность дедуктивного метода неоклассики, не учитывавшей в должной мере сложность и многофакторность социальных процессов и глубину культурных и социально-политических различий между странами и регионами и их значение для экономического развития. Ошибочность прогнозов неолиберальных экономистов относительно развивающихся стран и неопределенность социально-экономических перспектив индустриально развитых государств свидетельствуют о необходимости вспомнить призыв исторической школы уделять основное внимание конкретным эмпирическим исследованиям.

---

64. Grimmer-Solem and Romani, 'In Search of Full Empirical Reality', 342.

ЛИТЕРАТУРА

1. Автономов, В.С. 'Абстракция — мать порядка? (Историко-методологические рассуждения о связи экономической науки и экономической политики)'. *Вопросы Экономики*, 2013 (4): 4–23.
2. Ананьин, О. И. 'Экономика: наука и/или искусство'. *Вопросы экономики*, 2007 (11): 4–24.
3. Райнерт, Эрик. *Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными*. Москва, 2011.
4. Ashley, Anne. *William James Ashley: A Life*. London, 1932.
5. Ashley, W. J. 'The Argument for Preference'. *The Economic Journal* 14, no. 53 (1904): 1–10.
6. ——. 'The Enlargement of Economics'. *The Economic Journal* 18, no. 70 (1908): 181–204.
7. Ashley, William J. 'On the Study of Economic History'. *The Quarterly Journal of Economics* 7, no. 2 (1893): 115–136.
8. ——. 'The Present Position of Political Economy'. *The Economic Journal* 17, no. 68 (1907): 467–489.
9. Backhaus, Jürgen, and Reginald Hansen. 'Methodenstreit in der Nationalökonomie'. *Journal for General Philosophy of Science* 31, no. 2 (1 December 2000): 307–36.
10. Becattini, Giacomo, Marco Dardi, and Tiziano Raffaelli. *The Elgar Companion to Alfred Marshall*. Edward Elgar, 2006.
11. Bernstein, William J. *A Splendid Exchange: How Trade Shaped the World*. Grove/Atlantic, Inc., 2009.
12. Brentano, Lujo. *Der wirtschaftende Mensch in der Geschichte. Gesammelte Reden und Aufsätze*. Leipzig, 1923.
13. ——. *Mein Leben: Im Kampf um die soziale Entwicklung Deutschlands*. Eugen Diederichs, 1931.
14. Bruhns, Hinnerk, ed. *Histoire et économie politique en Allemagne de Gustav Schmoller à Max Weber: nouvelles perspectives sur l'école historique de l'économie*. Paris: Ed. de la Maison des Sciences de l'Homme, 2004.
15. Cardoso, José Luís, and Michalis Psalidopoulos. *The German Historical School and European Economic Thought*. Routledge, 2015.

16. Cunningham, William. 'A Plea for Pure Theory'. *Economic Review* 2, no. 1 (1892).
17. ———. *Political Economy Treated as an Empirical Science: A Syllabus of Lectures*. Macmillan and Bowes, 1887.
18. ———. 'Why Had Roscher so Little Influence in England?' *The Annals of the American Academy of Political and Social Science* 5, no. 3 (1894): 1–18.
19. Dopfer, Kurt. 'How Historical Is Schmoller's Economic Theory?' *Journal of Institutional and Theoretical Economics (JITE) / Zeitschrift Für Die Gesamte Staatswissenschaft* 144, no. 3 (1988): 552–69.
20. Fan, Peilei. 'Catching up through Developing Innovation Capability: Evidence from China's Telecom-Equipment Industry'. *Technovation* 26, no. 3 (1 March 2006): 359–68.
21. Fourcade, Marion. *Economists and Societies: Discipline and Profession in the United States, Britain, and France, 1890s to 1990s*. Princeton: Princeton University Press, 2009.
22. Grimmer-Solem, Erik. 'Geopolitik und Nationalökonomie vor dem Ersten Weltkrieg: Plädoyer für eine transnationale Geschichte der Wirtschaftswissenschaften'. In *Die Zeit Um Den Ersten Weltkrieg Als Krisenzeit Der Ökonomen*, 115:47–72. Schriften Des Vereins Für Socialpolitik: Neue Folge (Studien Zur Entwicklung Der Ökonomischen Theorien XXX). Berlin, 2016.
23. ———. *The Rise of Historical Economics and Social Reform in Germany, 1864-1894*. Oxford University Press, 2003.
24. Grimmer-Solem, Erik, and Roberto Romani. 'In Search of Full Empirical Reality: Historical Political Economy, 1870–1900'. *The European Journal of the History of Economic Thought* 6, no. 3 (September 1999): 333–64.
25. Groenewegen, Peter. *A Soaring Eagle: Alfred Marshall 1842 – 1924*. Paperback ed. Cheltenham: Elgar, 1998.
26. Guiso, Luigi, Paola Sapienza, and Luigi Zingales. 'Does Culture Affect Economic Outcomes?' *Journal of Economic Perspectives* 20, no. 2 (2006): 23–48.
27. Häuser, Karl. 'Historical School and "Methodenstreit"'. *Journal of Institutional and Theoretical Economics (JITE) / Zeitschrift Für Die Gesamte Staatswissenschaft* 144, no. 3 (1988): 532–42.
28. Heaton, Herbert. 'Anne Ashley, William James Ashley: A Life. London, 1932.' 41, no. 6 (n.d.): 842–44.

29. Hentschel, Volker. *Wirtschaft und Wirtschaftspolitik in Wilhelminischen Deutschland: Organisierter Kapitalismus und Interventionsstaat?* Klett-Cotta, 1978.
30. Howe, Anthony. 'State versus Market in the Early Historiography of the Industrial Revolution in Britain c. 1890–1914'. *The European Journal of the History of Economic Thought* 23, no. 6 (1 November 2016): 897–918.
31. Kadish, Alon. *Historians, Economists, and Economic History (Routledge Revivals)*. Routledge, 2010.
32. ——. 'Marshall and the Cambridge Economics Tripos'. In *The Market for Political Economy: The Advent of Economics in British University Culture*, 137–161, 1993.
33. ——. 'The Foundation of Birmingham's Faculty of Commerce as a Statement on the Nature of Economics'. *The Manchester School* 59, no. 2 (1991): 160–172.
34. Knorr, Klaus E. *British Colonial Theories 1570-1850*. University of Toronto Press, 1944.
35. Koot, Gerard M. 'An Alternative to Marshall: Economic History and Applied Economics at the Early LSE'. *Atlantic Economic Journal* 10, no. 1 (1 March 1982): 3–17.
36. ——. 'English Historical Economics, 1870-1926 : The Rise of Economic History and Neomercantilism /', 1987.
37. ——. 'Historical Economics and the Revival of Mercantilism Thought in Britain, 1870–1920'. In *Mercantilist Economics*, 187–219. Springer, 1993.
38. Lipson, Ephraim. *The Economic History of England: The Middle Ages. -v. 2-3. The Age of Mercantilism*. Vol. 1. Black, 1949.
39. Loužek, Marek. *Spor o metodu mezi rakouskou školou a německou historickou školou: nejvýznamnější metodologický spor v dějinách ekonomie*. Vyd. 1. Praha: Nakladat. Karolinum, 2001.
40. Louzek, Marek. 'The Battle of Methods in Economics. The Classical Methodenstreit—Menger vs. Schmoller'. *American Journal of Economics and Sociology* 70, no. 2 (1 April 2011): 439–63.
41. Maloney, John. 'Marshall, Cunningham, and the Emerging Economics Profession'. *The Economic History Review* 29, no. 3 (1976): 440–451.
42. ——. *Marshall, Orthodoxy and the Professionalisation of Economics*. Cambridge University Press, 1985.

43. Marshall, Alfred. *Principles of Economics: Unabridged Eighth Edition*. Cosimo, Inc., 2009.
44. ———. *The Present Position of Economics, an Inaugural Lecture*, 1885.
45. McCleary, Rachel M. *The Oxford Handbook of the Economics of Religion*. Oxford University Press, 2011.
46. Milonakis, Dimitris, and Ben Fine. *From Political Economy to Economics: Method, the Social and the Historical in the Evolution of Economic Theory*. Routledge, 2009.
47. Moggridge, Donald E. 'Method and Marshall'. 1997) *Methodology of the Social Sciences, Ethics, and Economics in the Newer Historical School: From Max Weber and Rickert to Sombart and Rothacker*, 1997, 342–69.
48. Moore, Gregory. 'John Neville Keynes's Solution to the English Methodenstreit'. *Journal of the History of Economic Thought* 25, no. 1 (2003): 5–38.
49. Moore, Gregory CG. 'One Hundred Years from Today'. *History of Economics Review* 38, no. 1 (2003): 53–68.
50. Nardinelli, Clark, and Roger E. Meiners. 'Schmoller, the Methodenstreit, and the Development of Economic History'. *Journal of Institutional and Theoretical Economics (JITE)/Zeitschrift Für Die Gesamte Staatswissenschaft* 144, no. 3 (1988): 543–551.
51. Palen, Marc-William. 'Adam Smith as advocate of empire, c. 1870–1932'. *The Historical Journal* 57, no. 1 (March 2014): 179–98.
52. Richter, Rudolf. 'Bridging Old and New Institutional Economics: Gustav Schmoller, the Leader of the Younger German Historical School, Seen With Neoinstitutionalists' Eyes'. *Journal of Institutional and Theoretical Economics (JITE) / Zeitschrift Für Die Gesamte Staatswissenschaft* 152, no. 4 (1996): 567–92.
53. Schmoller, Gustav. 'Die Schriften von K. Menger und W. Dilthey zur Methodologie der Staats- Und Sozial-Wissenschaften (1888)'. In *Zur Litteraturgeschichte Der Staats- Und Sozialwissenschaften*, 275–302. Leipzig, 1888.
54. ———. 'Friedrich List (1884)'. In *Zur Litteraturgeschichte Der Staats- Und Sozialwissenschaften*, 102–6. Leipzig, 1888.
55. Schweinzer, Paul. 'Two Competing Paradigms in Austrian Economic Theory', 2000.
56. Shionoya, Yūichi, ed. *The German Historical School: The Historical and Ethical Approach to Economics*. Routledge Studies in the History of Economics 40. London/New York: Routledge, 2001.

Литература

57. Solow, Robert M. 'Economic History and Economics'. *The American Economic Review* 75, no. 2 (1985): 328–331.
58. *The Palgrave Companion to Cambridge Economics* | Robert A. Cord | Palgrave Macmillan. Accessed 7 November 2017.
59. Tribe, Keith. 'Historical Schools of Economics: German and English'. In *A Companion to the History of Economic Thought*, 215–30. New York, 2003.
60. ——. 'Mercantilism and the Economics of State Formation'. In *Mercantilist Economics*, 175–186. Springer, 1993.
61. Watson, Matthew. 'Friedrich List's Adam Smith Historiography and the Contested Origins of Development Theory'. *Third World Quarterly* 33, no. 3 (2012): 459–474.
62. Wood, John C. 'Alfred Marshall and the Tariff-Reform Campaign of 1903'. *The Journal of Law and Economics* 23, no. 2 (1 October 1980): 481–95.
63. ——. *British Economists and the Empire*. Routledge, 2017.

ОБ АВТОРЕ

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ АРСЛАНОВ

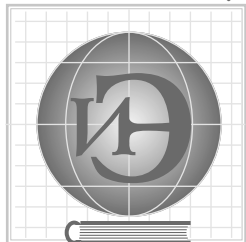
Младший научный сотрудник Центра методологических и историко-экономических исследований Института экономики РАН.

Сфера научных интересов: история политической экономики

Адрес: 117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32.

E-mail: arslanov@gmail.com

Российская академия наук

Институт экономики

Редакционно-издательский отдел:

Тел: +7 (499) 129 0472

e-mail: print@inecon.ru

Сайт: www.inecon.ru

Научный доклад

В. Арсланов

Политическая экономия и государство:
уроки «Methodenstreit»

Оригинал-макет – Валериус В.Е.

Редактор – Полякова А.В.

Компьютерная верстка – Хацко Н.А.

Подписано в печать 18.12.2017 г.

Заказ № 48. Тираж 300. Объем 1,8 уч. изд. л.

Отпечатано в ИЭ РАН

ISBN 978-5-9940-0616-0

9 785994 006160